

— Надо же.

Фёдор снял наушники.

Хорошо, что он успел вовремя, иначе пришлось бы терпеть этот невыносимый писк.

— Ранпо Эдогава? — негромко произнёс он.

Проводя ногтем по кожаному амбушюру, Фёдор раз за разом скреб в одном месте, пока там не проступила блёклая сероватая полоса.

Кругом царил привычный полумрак. Лишь тусклое свечение монитора выхватывало из темноты узкое пространство, но этот холодный свет не добавлял комнате жизни.

Фёдор размышлял.

Поступить в колледж исключительно благодаря собственному гению... Он искренне восхищался подобными людьми. Жаль только, что этот юноша оказался на редкость подозрительным и так изящно перекрыл каналы сбора информации.

Что ж, пока придётся отложить это дело.

Переведя взгляд на другой экран, Фёдор открыл почту. Харука Ямасита, уже вполне освоившаяся с перепиской, прислала отчёт о проделанной работе.

Спасённая им когда-то жрица теперь усердно трудилась на благо другой организации, неся на хрупких плечах чаяния своего «господина Бога».

Просторный, почти пустой зал, кое-где задрапированный тяжёлыми портьерами, служил временной приемной. В строго определённые часы здесь собирались толпы фанатиков — кто-то молил об исполнении несбыточных желаний, кто-то искал спасения от чертовщины и проклятий.

Харука стремилась прибиться к общине не только по воле покровителя, но и ради банального выживания. Ей нужно было где-то жить.

Фёдор никогда не учил её актёрскому мастерству, но благодаря детской растерянности и искреннему, наивному любопытству девочка казалась окружающим совершенно беззащитной сиротой. А для такого ребёнка просить о покровительстве — дело самое естественное.

— Почему ты хочешь к нам примкнуть?

Собеседник возвышался над ней грозной глыбой, но Харука лишь привычно опустила голову, разглядывая серую пыль на матовом, тусклом полу.

— Потому что... мне больше некуда идти.

И она не лгала.

На ней было простенькое, застиранное до белизны платье — далеко не тот добротный шёлк, что она носила в храме. Харука робко теребила подол, всем своим видом изображая ребёнка, который отчаянно пытается набраться смелости перед чужаком.

— Ты замечала за собой что-нибудь... странное? Необычное?

Спросил распорядитель с явным нетерпением. Если девчонка окажется пустышкой, он без колебаний отправит её к общей массе — бесполезному сброду. А участь неспособных в секте незавидна: в лучшем случае заставят до изнеможения молиться, в худшем — пустят на ритуалы.

— Я... иногда я кое-что вижу. Кажется, будущее.

Тихий, прерывистый голосок заставил распорядителя замереть.

— Ступай налево, — скомандовал он.

Харука перешла в указанную группу. Тайком оглядевшись, она увидела людей самых разных возрастов: одни безутешно рыдали, другие истово каялись, вымаливая избавление от навалившихся бед. На их фоне её собственное поведение выглядело на удивление сдержанным и нормальным.

Поток просителей казался бесконечным. Когда распорядитель наконец разобрался с большинством, солнце уже перевалило за зенит. Девочка посмотрела на свой живот — есть хотелось невыносимо, но жаловаться она не собиралась. Терпеть Харука умела.

Наконец настырных просителей выставили за дверь. Как и ожидал Фёдор, от Харуки потребовали доказательств.

— Вас сейчас покалечит.

Она захлопала ресницами и, заметив на лице мужчины скептическую ухмылку, тихо добавила:

— Ровно через минуту.

Скрестив руки на груди, распорядитель остался стоять на месте. Он снисходительно ждал, когда истечёт обещанное время.

Какое ещё ранение? Глупости. Спереди толпятся новобранцы, жаждущие милости, сзади — проверенные люди из Ассоциации сосуда времени.

«Неужели шпионка?» — подумал он. Попытаться напасть на него здесь, при стольких свидетелях — верх безумия.

Но реальность оказалась куда прозаичнее.

С потолка, который секунду назад казался монолитным, посыпалась мелкая крошка. По штукатурке змейкой побежала трещина, и прежде чем кто-то успел сообразить, в чём дело, тяжёлый кусок бетона рухнул вниз.

Услышав треск, распорядитель вскинул голову. Его зрачки сузились от ужаса. Он попытался отскочить в сторону, но послушные обычно ноги словно налились свинцом — тело наотрез отказалось подчиняться паническим приказам разума.

Сколько прошло времени? Со стороны показалось, что пролетели считанные мгновения.

Высокомерный надзиратель оказался погребён под обломками плиты. Жив он или мёртв — понять было невозможно.

— Что стряслось?! Потолок обвалился?! — раздался испуганный выкрик.

Люди в панике пятились. Некоторые уставились на Харуку с алчным восторгом, будто увидели редчайшее сокровище. Кто-то неохотно подошёл к завалу и попытался растащить камни, из-под которых доносились лишь глухие стоны покаленного распорядителя.

«Пожалуй, сойдёт... Поручение господина Бога я выполнила», — равнодушно подумала Харука, даже не моргнув. Для неё подобные зрелища давно стали обыденностью. Пока она вещает, господин Бог оберегает её. А трагедии... трагедии неизбежно случаются в тот самый миг, когда она их видит.

— Теперь... этого достаточно для доказательства? — робко спросила она, по-прежнему пряча взгляд. Но теперь её напускная боязливость никого не вводила в заблуждение.

— О да, более чем, — раздался вкрадчивый голос.

Из тени залы вышел импозантный мужчина в строгом деловом костюме. Улыбаясь, он протянул ей руку. Он наблюдал за сценой с самого начала и прекрасно понял ценность этой

девочки.

Стоило Харуке вскользь упомянуть о своём даре, как окружающие по привычке окрестили его «пророчеством». Новоприбывший господин тоже попался в эту ментальную ловушку и теперь едва сдерживал ликование от такого ценного приобретения.

— Грязный общий зал не для тебя. Хоть пойти со мной?

Вместо ответа девочка молча кивнула.

Они прошли мимо хрипящего под обломками калеки, мимо молящейся толпы на улице, чьи судьбы уже никого в этой обители не заботили. Мужчина повёл её вглубь здания, за дорогие расписные ширмы. Воздух здесь был пропитан благородным ароматом сандаловых благовоний. Помещение выглядело величественно и таинственно — точь-в-точь святилище, если бы не надменные лица здешних служителей.

Впрочем, для непосвящённых этого величия хватало с лихвой. Харука заворожённо озиралась по сторонам, впитывая атмосферу нового прибежища.

Спутник, заметив её изумление, довольно усмехнулся:

— Добро пожаловать во временную обитель Ассоциации сосуда времени.

Дела продвигались на удивление быстро. Фёдор остался доволен.

Аль-Хайтам тоже размышлял.

Когда он сидел, уткнувшись в книгу, окружающим казалось, будто его мысли заняты исключительно чтением. Никто и представить не мог, о чём на самом деле думает секретарь Академии. А думал он о Фёдоре.

Трёх месяцев совместной жизни вполне хватило, чтобы Аль-Хайтам досконально изучил характер Достоевского. Тот принадлежал к породе людей, способных положить жизнь на алтарь туманных, призрачных идей, и отличался феноменальным упрямством.

Мест, где Фёдор мог бы развернуться вовсю, сейчас хватало. И это внушало лёгкое беспокойство.

Они не откровенничали, но от Аль-Хайтама трудно было скрыть возню, которую затеяли дети.

Анализируя их поступки, секретарь пришёл к очевидному выводу: они пытаются выстроить совершенно новую систему. Правда, затея эта выглядела наивной и незрелой.

Интересно, отдавали ли они себе отчёт в том, насколько непосильную ношу взвалили на свои плечи? Все эти бесконечные метания, работа ума на износ, полное пренебрежение отдыхом... Принцип гармонии между трудом и досугом они усвоили однобоко, вычленив из него лишь первую половину.

Глупые дети.

Впрочем, дело скорее в их патологической подозрительности. Боясь упустить хоть одну деталь, они предпочитали делать всё лично, контролируя каждый шаг.

Но если трезво взглянуть на вещи: этот крошечный мирок эсперов и магов, не способный защитить себя от глобальных перемен, слишком мал. Не стоило так изводить себя ради него.

Вмешаться?

Нет, пожалуй, не стоит. Это их путь, их ошибки. Пусть набивают шишки сами.

— Давай быстрее, ну же! Тебя ждёт сюрприз!

— Да что там такое... Помедленнее, Сатору, не беги ты так.

Услышав знакомые голоса, Аль-Хайтам оторвался от книги. Мимо него с шумом пронеслись Сатору Годзё и Сугуру Гето.

Последнее время Гето ходил сам не свой. Настроение у него было скверным. Началось всё, пожалуй, с тех самых реалистичных снов, которые лишали его сил и оставляли после себя лишь глухую мигрень.

Годзё почувствовал неладное. Он стал липнуть к другу ещё сильнее, словно выжидая, когда тот заговорит о своём «Горьком лете». Но Гето молчал. Да и лето ещё не наступило, а отвратительный вкус поглощаемых проклятых сфер пока не довёл его до тошноты. Те смутные видения, похожие на обрывки сновидений, заставляли его лишь изредка задумчиво застывать на месте.

— Говорю тебе, настоящий сюрприз! Закрой глаза!

Сатору откопал где-то старую маску для сна — кажется, кто-то оставил её после обеденного перерыва — и теперь упрямо пытался нацепить её на Сугуру.

Гето на миг замер. В груди шевельнулось странное дежавю, будто он уже видел Сатору в такой маске.

«Где же я мог это видеть?..»

— К чему эти шпионские страсти? — вздохнул он, отгоняя навязчивые мысли.

Ссориться с Годзё было бесполезно: откажись он сейчас, и этот ненормальный ночью обязательно свесится вниз головой с потолка его спальни. Смирившись с неизбежным, Сугуру позволил надеть на себя повязку.

Его куда-то увели, мягко усадили на стул. Послышался тихий перезвон фарфора, а затем — приглушённый шёпот.

Оказавшись во тьме, Гето снова почувствовал себя заложником тех бесконечных ночных кошмаров, где звучали голоса, которые он обречён был забыть, и мелькали лица, стирающиеся из памяти к утру. На душу навалилась глухая, щемящая тоска.

— Эй, Сугуру, открой рот.

Голос Сатору прозвучал на удивление серьёзно.

— Что ты задумал? Очередную гадость мне подсунешь? — с подозрением спросил Гето, но рот послушно приоткрыл. В конце концов, травить его никто не собирался.

На язык посыпались мелкие, жестковатые крупинки в сухой шелухе. Сугуру дёрнулся, желая выплюнуть их, но Годзё мгновенно зажал ему рот ладонью. Вырваться из этой хватки было невозможно.

— Быстрее! Жуй давай! — скомандовал Сатору.

Слыша неподдельную спешку в его голосе, Гето сдался и стиснул зубы.

Твёрдая оболочка лопнула, и на языке словно взорвалась миниатюрная бомба.

— Кхм... Что за чертовщина?!

Сугуру закашлялся. Язык мгновенно пронзило резким, леденящим онемением, словно через него пропустили слабый разряд тока. Ему неистово захотелось избавиться от этой жгучей гадости.

Но Сатору действовал на опережение. Выхватив припрятанную заранее проклятую сферу, он бесцеремонно протолкнул её другу в рот. Подобно тающему желе, сфера скользнула по пищеводу, и — о чудо — уняла невыносимое жжение.

— Это сычуаньский перец! — торжествующе объявил Сатору, отскакивая в сторону, чтобы увернуться от карающего кулака. — Ну как? Вкус проклятия чувствуешь? Может, заесть чем-нибудь хочешь?

Сугуру замер, прислушиваясь к ощущениям. Он не был привередлив в еде: спокойно относился к пресной пище, не брезговал острым васаби, но с приправой такой убойной силы сталкивался впервые. И всё же это сработало.

Перечное онемение полностью парализовало вкусовые рецепторы. Тошнотворный привкус проклятого существа, обычно напоминающий половую тряпку, которой вытирали рвоту, исчез, словно отрезанный невидимым барьером.

Сатору, наплевав на личные границы, склонился над ним, заглядывая в лицо в поисках хоть какой-то реакции, но Сугуру лишь ошеломлённо хлопал глазами, осознавая произошедшее.

— Вкуса... действительно нет, — пробормотал Гето. Рот онемел так, словно ему вкололи добрую дозу ультракаина. — А... у тебя ещё осталось? — переступив через гордость, спросил он.

— Да ладно! И это вместо благодарности великому мне?! — деланно возмутился Сатору, хлопнув по столу. Тарелка подпрыгнула, и оставшиеся горошины перца весело раскатились по столешнице. Сугуру лишь устало вздохнул.

К счастью, стоявшая рядом Акико Ёсано сохраняла хладнокровие. Зафиксировав результаты эксперимента, она принялась аккуратно собирать рассыпавшийся перец.

Решив не тратить время на сложные изыскания, Акико пошла кратчайшим путём — нашла способ временно отключить Сугуру вкусовые рецепторы. Сатору, лично опробовав специю, тут же притащил её другу.

— Синтезировать нерастворимую капсулу слишком долго, — пояснила Акико, указывая на блюдо. — Проще оказалось временно притупить чувствительность рецепторов. Как видишь, метод рабочий. Перца у нас полно, пользуйся.

— А для чего его обычно используют? — поинтересовался Гето.

— Варят в безумно остром бульоне вместе с грудой жгучего чили. Можете как-нибудь заглянуть в Чайна-таун и заказать хого — китайский самовар.

«И как это назвать? Секреты выживания сильнейшего мага: тонна сычуаньского перца на

завтрак? Или адская кухня с проклятыми существами под острым соусом?»

«Да уж, дурной пример заразителен. Я определённо перенимаю у Сатору его глупость», — сокрушённо подумал Сугуру. Но отпираться было поздно: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Так, среди шуток и дружеских препирательств, их кулинарный эксперимент благополучно завершился.

— Со временем может развиться привыкание, — предупредила Акико, протягивая ему небольшую брошюру. — Так что советую расширять гастрономический кругозор. В мире полно других жгучих радостей.

— Приму к сведению, — кивнул Гето, мысленно пообещав себе открыть эту книжку очень нескоро. — Спасибо вам.

— Обращайся.

О вечно занятом Кавехе

Кавех, казалось, не отдыхал никогда.

Деятельная натура просто не позволяла ему сидеть без дела. Сначала Семья Вонгола засыпала его заманчивыми предложениями о сотрудничестве, от которых у архитектора загорались глаза, а затем и Масамичи Яга совершил прорыв в своих исследованиях проклятых кукол.

— Ну почему в сутках всего двадцать четыре часа?! — взмолился Кавех.

Кофе уже давно не помогал. Чтобы хоть как-то разогнать сонный туман в голове, он больно ущипнул себя за бедро. Стало больно, но сна ни в одном глазу не убавилось.

— Решил превратиться в панду?

— Ещё чего.

— А по-моему, под твоими глазами уже можно вешать крюки.

Этот невыносимый младший сокурсник, когда-то бывший тихим и неразговорчивым, вырос в на редкость язвительного типа. Кавеху оставалось лишь тихо сокрушаться о несправедливости

судьбы.

— Несносный... — пробормотал Кавех.

Сил спорить не осталось, и его голова бессильно опустилась на сложенные руки.

Сознание уплыло мгновенно.

— Ой... Кавех уже спит? — шёпотом спросил кто-то у двери.

В комнату тихонько заглянули дети, держа в руках одеяло и подушку.

— Да. Укройте его, — так же тихо ответил Аль-Хайтам.

Каждую ночь Кавеху приносили одеяла разные люди, но неизменным оставалось одно: его сон всегда оберегал тот самый язвительный, но бесконечно заботливый младший сокурсник.

<http://bllate.org/book/18256/1755740>